

DOI 10.20339/AM.07-16.009

Е.В. РОМАНОВ,

д. педагог. н., проф. кафедры менеджмента
Магнитогорский государственный технический университет
имени Г.И. Носова
e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: РИСКИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Представлено исследование перспектив изменения стратегии развития высшего образования в контексте реализации положений Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Обоснована необходимость более полного учета рисков при разработке стратегии. На основе анализа нормативных документов, определяющих существующую стратегию развития высшей школы, выявлена потенциальная группа рисков в инновационном развитии отечественной высшей школы. Сделан вывод о том, что стратегия развития высшего образования должна быть нацелена на кадровое обеспечение структурной реформы в экономике, предполагающей разработку государственной программы определения реальных потребностей модернизируемой системы высшего образования. При этом необходимо усилить государственный и общественный контроль за деятельностью Министерства образования и науки РФ и Федерального агентства научных организаций для предотвращения ущерба от принимаемых решений вследствие недооцененных рисков.

Ключевые слова: Федеральный закон, риски стратегии развития высшего образования, стратегические ориентиры.

DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA: RISKS AND STRATEGIC PLANNING

E.V. Romanov is Dr. Sci. (Pedagogics), prof. at Magnitogorsk State Technical University n.a. G.I. Nosov

Presented is research work of perspectives of changes in strategy of development of higher education in the context of implementation of provisions of the Federal law "On strategic planning in the Russian Federation". Substantiated is the need of more full accounting of risks by elaboration of the strategy. On the basis of analysis of normative documents, defining existing strategy of development of higher school, shown is potential group of risks in innovative development of national higher school. Conclusion is made, that strategy of development of higher education must be aimed at providing in cadres of structural reform in economics, assuming elaboration of state program of defining of real needs of modernizing system of higher education. At the same time, states the author, it is necessary to strengthen both state and public control over activity of the Ministry of education and science of the RF, as well as Federal agency of scientific organizations for prevention of damage from adopting decisions because of underestimated risks.

Key words: Federal law, risks of strategy of development of higher education, strategic reference points.

Современная социально-экономическая и политическая ситуации дают основание судить о том, что экономические санкции в отношении России «всерьез и надолго». Тот факт, что снятие санкций увязано не только с реализацией «минского процесса», но и с «возвращением» Крыма Украине, дает все основания так думать.

В свое время Р.С. Гринберг отмечал уникальную возможность, которую предоставил кризис 2008 г. России: «Для нас кризис – это и испытание, и новая, на этот раз третья, улыбка фортуны» [1. С. 38].

Предприятия многих стран Европы сейчас переполнены складскими запасами машин и оборудования новейших образцов, спроса на которые нет и, по-видимому, долго еще не будет. И это нужная нам для желанной модернизации питательная среда. На немалые сохранившиеся пока нефтедоллары мы могли бы с рядом стран заключить крупнейшие в истории взаимовыгодные сделки на поставку временно подешевевших машин и оборудования, ноу-хау, консультации компетентных специалистов. Такие сделки со «старыми» и «новыми» членами ЕС вполне могут стать началом не только долгожданной и остро необходимой нам диверсификации экономики, но и дать неплохой старт нормализации деловых (и политических) отношений России с ЕС. Несомненно, что в 2008 г. Россия свой шанс упустила.

Современный кризис отношений России с Западом – еще один предоставленный историей нашей стране шанс

вернуть себе статус супердержавы на основе реализации концепции «новой индустриализации» (реиндустриализации).

Принятие в июне 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2] может свидетельствовать о попытках существенной корректировки экономической политики¹.

В современных условиях концентрация общегосударственных ресурсов и их эффективное использование представляется исключительно актуальной задачей для

¹ Наверное, неслучайно, что, выступая на заседании межрегионального форума ОНФ в Ставрополе 25 января 2016 г., президент В.В. Путин достаточно емко сформулировал «плюсы» и «минусы» планового хозяйства: «Плановое хозяйство имеет определенные преимущества, оно дает возможность сконцентрировать ресурсы общегосударственные на выполнение важнейших задач. Так были решены вопросы здравоохранения, в чем безусловная заслуга компартии того времени. Так были решены вопросы образования – безусловная заслуга компартии того времени. Так были решены вопросы индустриализации в оборонной ее части. Думаю, что если бы не концентрация общегосударственных ресурсов, Советский Союз не смог бы подготовиться к войне с нацистской Германией. Велика была бы вероятность поражения с катастрофическими последствиями для нашей государственности, русского и других народов Советского Союза. Поэтому это всё безусловные плюсы. Но в конечном итоге нечувствительность к изменениям, технологическим революциям, новым технологическим укладам привела к коллапсу экономики» [3].

решения важнейших социально-экономических проблем, особенно в такой чувствительной сфере, к какой относится образование.

Цель данной статьи состоит в обосновании необходимости изменения стратегии развития высшего образования в контексте реализации основных положений Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Стратегия в законе: принципиальные соображения

Статья 3 указанного ФЗ гласит: «В настоящем Федеральном законе стратегическое планирование определено как деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития РФ, субъектов РФ и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления по обеспечению национальной безопасности РФ, направленной на решение задач устойчивого социально-экономического развития РФ, субъектов РФ и муниципальных образований и обеспечению национальной безопасности РФ».

Таким образом, целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование являются компонентами стратегического планирования (табл. 1).

Таблица 1

Составляющие стратегического планирования

Составляющие	Определение
Целеполагание	Определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ
Прогнозирование	Деятельность участников стратегического планирования по разработке научнообоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности РФ, направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития РФ, субъектов РФ и муниципальных образований
Планирование	Деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации основных направлений деятельности правительства РФ, планов деятельности федеральных органов исполнительной власти и иных планов в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ, направленная на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ, содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемая в рамках целеполагания
Программирование	Деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации государственных и муниципальных программ, направленная на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ, содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания

В той же статье определено, что стратегическим является период продолжительностью более 6 лет, среднесрочный период – от трех до шести лет включительно. В рассматриваемом ФЗ три существенных момента.

1. Наряду с документами, которые описывают будущее социально-экономического развития страны², есть ряд документов, которые до настоящего времени не разрабатывались. Это, например, стратегия пространственного развития РФ – «документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития и направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Федерации». По сути дела стратегия пространственного развития России определяет схему размещения производительных сил. Естественно, что этой схеме должна соответствовать и схема размещения образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования для обеспечения гармоничного развития регионов.

2. В перечне документов стратегического планирования расширен перечень разработки прогнозов на всех уровнях. Документы стратегического планирования разбиваются на две группы. Первая – прогнозы, содержащие систему научнообоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, угрозах национальной безопасности, направлениях, ожидаемых результатах и показателях развития. Существенно, что определение рисков и угроз должно стать основой прогноза. Вторая группа документов – программы, содержащие систему долгосрочных приоритетов, целей и задач.

Как верно отмечают В.К. Сенчагов и Е.А. Иванов, «вызывает удивление, что в перечень документов стратегического планирования не вошел утверждаемый ежегодно трехлетний федеральный бюджет. Это практически единственный действительно плановый документ в целом по стране, во многом определяющий через финансирование развития, в т.ч. на долгосрочный период. Именно утвержденный федеральный бюджет, объем и структура его расходов реально определяют стратегические направления социально-экономического развития. Но его нет в системе стратегического планирования» [4. С. 39].

Следует указать на то, что само определение плана, которое приведено в статье 3 ФЗ, дает основание судить о том, что речь не идет о стратегических (долгосрочных) целях, направлениях, индикаторах, промежуточных и окончательных результатах, поскольку «план деятельности федерального органа исполнительной власти – документ стратегического планирования, содержащий цели, направления, индикаторы, планируемые промежуточные и окончательные результаты деятельности федерального органа исполнительной власти на среднесрочный период и предусматривающий в рамках установленных полномочий федерального органа исполнительной власти обеспечение реализации документов стратегического планирования».

² Ежегодное послание Президента России Федеральному собранию, Стратегия социально-экономического развития РФ, Стратегия национальной безопасности, отраслевые и региональные стратегии и прогнозы на долгосрочный и среднесрочный периоды, программы, планы деятельности правительства и федеральных органов исполнительной власти, планы мероприятий социально-экономического развития и др.

Таким образом, планирование касается только тех документов, которые определены временным диапазоном от 3-х до 6-ти лет включительно.

3. В законе о стратегическом планировании ни разу не использован термин «задание». Задание предполагает определение показателей достижений целей (целевых индикаторов) и ответственных за выполнение заданий. Нам представляется, что именно определение ответственных является одним из необходимых условий качественного стратегического планирования для получения желаемого результата. Задание же реализуется в системе предписаний, нацеленных на выполнение задачи.

Риски существующей стратегии развития высшего образования в России

В настоящее время стратегия развития высшего образования в России определена государственной программой «Развитие образования» на 2013–2020 гг. [5], государственной программой РФ «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. [6] в той ее части, которая касается повышения продуктивности научной деятельности. Тактика определяется «Федеральной целевой программой развития образования на 2016–2020 годы» [7].

Ниже представлены сведения о показателях (индикаторах) государственной программы «Развитие образования на 2013–2020 годы», относящихся к высшему образованию. Показатели (индикаторы) дают представление о стратегических приоритетах, которые определены Министерством образования и науки РФ (табл. 2).

1. Из нового варианта Государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг. не совсем понятно, *каково реальное соотношение между отдельными составляющими (удельными весами) в структуре подготовки кадров.*

С 2016 по 2020 гг. суммы удельных весов численности выпускников, освоивших образовательные программы соответствующего уровня, существенно отклоняются от 100%:

- ◆ сумма удельных весов в 2016 г. составляет 110,75%;
- ◆ на 2017 г. – 105,87%;
- ◆ на 2018 г. – 100,88%;
- ◆ на 2019 г. – 97,29%;
- ◆ на 2020 г. – 93,56%³.

Подобного рода неточности вызывают сомнение в достоверности значения показателей, приведенных в приложениях к государственной программе. Соответственно существуют *риски*, связанные с недостаточно ясными перспективами финансирования высшего образования.

2. Существенным является введение *показателя численности студентов, обучающихся по программам высшего образования в расчете на одного работника ППС.* При этом планируется увеличение численности студентов в расчете на одного работника ППС с 10,2 человека в 2013 г. до 13 человек в 2020 г. (в 2018 и 2019 гг. – 12,9

человека соответственно). Данное соотношение больше соотношения, указанного в «дорожной карте», утвержденной распоряжением Правительства РФ 30.04.2014⁴ [8]. При этом в государственной программе указано некое «среднее» значение численности студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в расчете на одного работника ППС.

Очевидно, что подготовка бакалавра, специалиста и магистра основана на совершенно различных подходах. Исходя из этого, *было бы логично определять «среднее» соотношение численности студентов в расчете на одного работника ППС отдельно для бакалавриата, специалитета, магистратуры.*

На основе анализа динамики изменений в системе высшего образования нами разработан прогноз, из которого следует, что при тех соотношениях численности студентов в расчете на одного работника ППС, которые определены государственной программой, численность преподавателей государственных вузов может сократиться до 185 тыс. человек⁵ к 2018 г. [9. С. 182]. Очевидно, что увеличение показателя численности студентов, обучающихся по программам высшего образования в расчете на одного работника ППС, без анализа влияния этого увеличения на качество образования и прогнозируемого увеличения численности выпускников общеобразовательных школ после 2018 г. нанесет ущерб системе государственного высшего образования.

Как указывает В.А. Горшков [10], «прогнозируемое уменьшение численности школьников после 1971 г. вынудило правительство в начале 1960-х гг. ввести 11-й класс. Это было сделано ради сохранения педагогических кадров школы, в первую очередь предметников (физиков, математиков, химиков и др.)».

Интерпретируя данное высказывание относительно стратегии, реализуемой Минобрнауки, можно констатировать, что ради сохранения педагогических кадров в системе высшего образования не планируются меры по их сохранению и воспроизводству на стратегическую перспективу. Таким образом, существует *риск* нанесения ущерба человеческому капиталу в системе высшего образования. Данный риск касается носителей «спрессованного» человеческого опыта – преподавателей вузов.

Но существует и риск, связанный с обучающимися в российских вузах. В соответствии с показателем «удельный вес численности лиц, прошедших в течение учебного года обучение за рубежом (кроме стран СНГ и Балтии) не менее одного семестра, в общей численности студентов, обучающихся по программам высшего образования», к 2020 г. численность таких обучающихся должна составить 6%. Во-первых, неясно, по каким специальностям и направлениям подготовки российские студенты будут обучаться за рубежом в течение семестра. Можно предположить, что эти специальности и направления связаны с созданием новых технологий – основы шестого технологического уклада. Во-вторых, следует рассматри-

³ Сравнение с предыдущими вариантами программы показывают, что ошибки допущены в отношении удельных весов обучающихся по образовательным программам бакалавриата.

⁴ В «дорожной карте» указано значение 12 человек в 2018 г.

⁵ В 1990/91 уч. г. численность ППС в государственных вузах составила 219,7 тыс. чел., в 2012/13 уч. г. – 312,8 тыс. чел. (по данным Росстата).

Таблица 2

Сведения о показателях (индикаторах) государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. и их значениях (подпрограмма 1 «Развитие профессионального образования») (фрагмент)

Наименование показателя (индикатора)	Единица измерения	Значения показателей по годам								
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Структура подготовки кадров по профессиональным образовательным программам (удельный вес численности выпускников, освоивших профессиональные образовательные программы соответствующего уровня в общей численности выпускников):										
образовательные программы среднего профессионального образования (программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих, специалистов среднего звена)	%	38	37	36	35	33	32	31	30	
образовательные программы высшего образования – программы бакалавриата	%	17,3	23,5	29,5	45,7	46,4	46,4	46,3	46,3	
♦ программы высшего образования – программы специалитета	%	41,3	35,1	29,1	23,6	19	13,9	10,4	6,66	
♦ программы высшего образования – программы магистратуры	%	2,9	3,9	4,9	5,9	6,9	8	9	10	
♦ образовательные программы высшего образования – программы подготовки кадров высшей квалификации	%	0,51	0,52	0,53	0,55	0,57	0,58	0,59	0,6	
Всего*	%	100,01	100,02	100,03	110,75	105,87	100,88	97,29	93,56	
Удельный вес численности лиц, принятых на обучение по программам прикладного бакалавриата в общем количестве принятых на обучение по программам бакалавриата (за счет средств федерального бюджета)	%	1	7,3	15,1	21,3	26,1	30	30	30	
Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, в расчете на одного работника ППС	Человек	10,2	10,6	11,3	11,8	12,4	12,9	12,9	13	
Удельный вес численности лиц, прошедших в течение учебного года обучение за рубежом (кроме стран СНГ и Балтии) не менее одного семестра, в общей численности студентов, обучающихся по программам высшего образования	%	0,5	1	1,5	2	2,3	4	5	6	
Число российских университетов, входящих в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов	Единиц	1	1	1	1	1	2	5	5	
Число российских университетов, входящих в первые две сотни ведущих мировых университетов согласно мировым рейтингам университетов	Единиц	1	2	4	5	7	8	9	9	
Численность студентов по образовательным программам высшего образования, заключивших договоры о целевом обучении с организациями ОПК	Человек	-	-	500	2000	5000	8000	11000	15000	
Число образовательных программ, прошедших процедуры профессионально-общественной аккредитации	Единиц	-	50	150	300	550	800	1000	1200	

Примечание: * – расчет сумм удельных весов численности выпускников, освоивших образовательные программы соответствующего уровня, произведен автором.

вать выполнение данного показателя через призму возможных угроз национальной безопасности. Причем эти угрозы связаны не только с вероятной «утечкой мозгов», но и с приобретением достаточно обширного «кластера» агентов влияния, обученных за счет средств российских налогоплательщиков.

3. Одним из приоритетов деятельности Минобрнауки РФ является создание условий для вхождения ведущих российских вузов в элиту международных университетов. Как видно из табл. 2, к 2020 г. пять ведущих университетов должны войти в сотню ведущих мировых университетов, а 9 университетов – в первые две сотни ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов.

Как отмечается в [11], проверка аудиторами Счетной палаты РФ показала, что «ни один из вузов, получивших субсидию в рамках проекта «5-100», пока не добрался до первой сотни рейтинга мировых университетов – времени же на это осталось не так много. Ведомство констатировало «ненадлежащий контроль и низкий уровень сопровождения программ со стороны Минобрнауки». Недоумение аудиторов вызывает тот факт, что Минобрнауки заключило с каждым вузом отдельный договор на участие в проекте, из-за чего некоторые вузы проигнорировали требование президента о попадании в первую сотню⁶.

«Минобрнауки следует в кратчайшие сроки разработать и утвердить все необходимые нормативные документы», – заявила глава Счетной палаты. Также палата потребовала добавить в критерии программы «5-100» новые показатели, «отражающие эффективность вложенных средств»: количество отечественных научных исследований и разработок, результаты интеллектуальной деятельности, патенты и др.».

Таким образом, существует *риск* неэффективного использования бюджетных средств в условиях ограниченных ресурсов.

По нашему мнению, важным является заявление, сделанное ректором МГУ им. М.В. Ломоносова на заседании Совета по науке и образованию 21 января 2016 г. [12]. В.А. Садовничий по сути дела анонсировал отказ двух крупнейших университетов России от участия в реализации программы «5-100»: «Московский университет – ведущий в смысле того, что надо помогать другим, если есть такая возможность. Например, мы с Санкт-Петербургским университетом по доброй воле отказались участвовать в топ-100, Дмитрий Викторович [Ливанов] знает. Мы просто посчитали, что наши коллеги должны эти средства осваивать и больше использовать, чем мы. Мы развиваемся по собственным стандартам, собственным понятиям. Поэтому мне кажется, слово «ведущий» надо понимать как центры, которые могут помогать другим, в т.ч. и тем, где есть зародыши научных школ, и их надо поддерживать».

При этом была еще раз сформулирована идея, поддержанная Президентом РФ В.В. Путиным, о необходимости «доделать» отечественный рейтинг вузов. Аргументируя эту необходимость, В.А. Садовничий привел пример: «Был проведен рейтинг, кого берут зарубежные компании «Си-

менс», IBM, «Мерседес» на работу, выпускников какого университета. Это рейтинг, я просто цитирую. Московский университет в этом списке (это зарубежные компании) на 42-м месте в мире, мы так востребованы зарубежными компаниями, а MIT, который во всех рейтингах занимает первое место, в этом рейтинге оказался на 242-м месте. Таким образом, эти компании предпочитают брать наших. Тогда почему мы в тех рейтингах находимся на обратных позициях?» [12].

4. В новом варианте Государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 гг. предполагается ежегодное увеличение числа образовательных программ, прошедших процедуры профессионально-общественной аккредитации. К 2020 г. 1200 программ должны пройти процедуру профессионально-общественной аккредитации.

Наш анализ показывает, что «стандартный» срок свидетельства о профессионально-общественной аккредитации составляет 3 года, т.е. меньше нормативного срока подготовки бакалавра. С какой целью это сделано? Представляется, что вопрос носит риторический характер.

Например, агентство по контролю качества образования и развитию карьеры (АККОРК) предлагает услуги по общественной аккредитации образовательных программ высшего и среднего профессионального образования с вынесением нескольких видов решений [13]:

- ◆ аккредитация по высоким стандартам (срок аккредитации 6 лет);
- ◆ полная аккредитация (срок аккредитации 3 года);
- ◆ аккредитация с условиями (срок аккредитации 2 года);
- ◆ аккредитация с условиями (срок аккредитации 1 год);
- ◆ отказ в аккредитации.

Как указано в разделе «Общественная аккредитация» на сайте агентства, «получение по образовательной программе «аккредитации по высоким стандартам», т.е. получение наивысших экспертных оценок качества⁷ и гарантий качества образования⁸, означает, что программа значительно превышает пороговые стандарты и демонстрирует примеры наилучшей практики по всем или отдельным критериям. Такая образовательная программа может быть принята за эталон».

Следует указать на то, что профессионально-общественная аккредитация может оказаться довольно затратным мероприятием. С большой долей вероятности можно предполагать, что финансовое бремя на проведение профессионально-общественной аккредитации ляжет на плечи вузов. Стоимость «процедуры» варьируется от 200 до 400 тыс. рублей. Несложно подсчитать, что аккредитация 1200 образовательных программ потребует, как минимум, 240 млн. рублей.

Таким образом, существуют *риски* увеличения нагрузки на бюджеты вузов при проведении профессионально-общественной аккредитации.

⁶ Так, Санкт-Петербургский университет ИТМО пообещал занять в 2020 г. лишь 171-е место, Дальневосточный федеральный университет (ДФУ) – 200-е, а Самарский аэрокосмический университет имени Королева – 300-е. А в соглашении с Высшей школой экономики достижение показателя по вхождению в мировые рейтинги вообще отсутствует.

⁷ [URL]: <http://www.akkork.ru/general//upload/%D0%9A%D0%9E%20%D0%9D%D0%B0%D0%A1%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf>

⁸ [URL]: <http://www.akkork.ru/general//upload/%D0%93%D0%9A%D0%9E%20%D0%9D%D0%B0%D0%A1%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf>

О рисках утраты инновационных идей системой высшего образования

В показателях оценки эффективности деятельности системы высшего образования в целом и вузов в частности отсутствуют индикаторы, которые позволяют судить действительно об эффективности как соотношении результата и затрат [14. С. 97]. Приоритетом в оценке эффективности научной деятельности является публикационная активность (и цитирование) в журналах, входящих в ведущие наукометрические базы Web of Science и Scopus.

Анализ показателей (индикаторов) Государственной программы РФ «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг., утвержденной в 2014 г. [5], показывает, что пла-

нируется существенное увеличение публикационной активности в вузах. Вклад Минобрнауки РФ (включая Российский научный фонд), достаточно значим: планируется увеличить практически на порядок число публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science). Удельный вес публикаций, индексируемых в этой базе должен вырасти с 0,03% в 2013 г. до 0,25% в 2014 и 2015 гг., и 0,27% в 2016 г.

При этом число публикаций российских авторов в научных журналах, входящих в перечень ВАК, в расчете на 100 исследователей существенно ниже числа публикаций в научных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о показателях (индикаторах) государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы (фрагмент подпрограммы 1 «Фундаментальные научные исследования»)

Наименование показателя (индикатора)	Единица измерения	Годы				
		2016	2017	2018	2019	2020
Число цитирований в расчете на одну публикацию российских исследователей в научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science)	Единиц	1,54	1,6	1,66	1,73	1,8
Число публикаций российских авторов в научных журналах, входящих в перечень, утвержденный Высшей аттестационной комиссией, в расчете на 100 исследователей	Единиц	2,27	2,3	2,32	2,35	2,38
Число публикаций российских авторов в научных журналах, индексируемых в базе данных Scopus, в расчете на 100 исследователей	Единиц	10,9	11,1	11,3	11,4	11,6
Число публикаций российских авторов в научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science), в расчете на 100 исследователей	Единиц	8,6	8,7	8,9	9	9,1

Мы разделяем позицию, высказанную в сводных предложениях Российского союза ректоров по формированию перечня критериев оценки эффективности деятельности вузов [15], в которых указано на то, что «оценка уровня важности и активности публикаций в перечне, предложенном Министерством образования и науки РФ, строится исключительно на зарубежных научных базах данных, в то время как в России уже есть собственный индекс научной цитируемости. Следует отметить, что ключевой проблемой российского академического сообщества эксперты Thomson Reuters, владельца Web of Science, называют именно внутреннюю разобщенность, очень низкий уровень взаимного русскоязычного цитирования».

Интересны точки зрения А. Крушельницкого и Е. Онищенко относительно проблемы публикаций и цитирования в ведущих наукометрических зарубежных базах. Как отмечает А. Крушельницкий, «очень часто постановка задачи, ключевые решения в совместных исследованиях исходят от россияна, но при этом россияне почти всегда выступают в роли бедных родственников. Именно россияне едут на Запад (а не наоборот), чтобы там работать на дорогом научном оборудовании, которого нет в России, использовать развитую инфраструктуру исследований, тратить дорогие расходные материалы, получать западную зарплату, а возвращаясь домой, везти в чемоданах реактивы в свои институты». При этом совместные статьи цитируются намного чаще, чем статьи только российского автора [16].

Таким образом, проблема состоит в создании соответствующей инфраструктуры для осуществления научных исследований. Пока же мы наблюдаем картину, при которой «телега впереди лошади».

Вторую точку зрения высказал Е. Онищенко, который отмечает, что в 2009 г. два федеральных университета (Сибирский и Южный), ежегодно получавшие по 3 млрд руб., опубликовали около 490 статей в журналах, индексируемых Web of Science. «Не только МГУ и СПбГУ, но лидеры по публикациям из числа академических институтов – Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН и Физический институт им. П.Н. Лебедева – публикуют больше статей: за двумя последними институтами насчитывается 810 и 570 статей соответственно. При этом каждый федеральный университет опережает любой из названных институтов и по объему закупок дорогостоящего оборудования, финансированию НИР, и по числу научно-педагогических работников» [17].

Наш подход строится на утверждении, что Минобрнауки РФ подталкивает российских ученых делиться с мировым сообществом научными результатами, которые в перспективе могут превратиться в патенты и ноу-хау. Не исключено, что за эти патенты и ноу-хау России в последующем придется платить. В условиях неотработанного механизма патентования отечественными учеными своих разработок за рубежом вышеизложенное можно характеризовать как «утечку мозгов» – с той лишь разницей, что на Западе российский ученый получил бы неиз-

меримо больше материальных и моральных дивидендов за свои исследования [18. С. 72].

Существует и чисто техническая сторона вопроса, связанная с возможностью публикаций результатов исследований по отдельным отраслям науки. Например, мы отмечали [19. С. 96], что в списке русскоязычных журналов, входящих в ведущие наукометрические базы по состоянию на 18 марта 2013 г., находились 304 журнала:

- ◆ 46 журналов (Life Sciences) – биофизика, биохимия, микробиология;
- ◆ 189 журналов (Physical Sciences) – математика (30 журналов), инженерия (28 журналов), физика, химия (составляют подавляющее большинство);
- ◆ 69 журналов (Health Sciences, Social Sciences, Arts & Humanities) – медицина, социальные науки, искусство и др. При этом подавляющее большинство – 38 журналов – по медицине.

Таким образом, представители гуманитарных, социально-экономических наук оказываются в заведомо проигрышной ситуации.

Ситуация не сильно изменилась по истечении двух лет. Например, на сегодняшний день только пять отечественных журналов по экономике индексируются в наукометрической базе Scopus – «Проблемы прогнозирования», «Проблемы управления», «Регион: экономика и социология», «Экономика региона», «Форсайт».

Представляется существенным и тот факт, что публикации в зарубежных журналах, входящих в ведущие наукометрические базы, мероприятие затратное. Вопрос компенсации затрат авторам каждый вуз решает самостоятельно. При этом «временной лаг» публикации в зарубежном журнале может составлять в среднем до 2-х лет (от момента принятия статьи до выхода журнала в свет).

Следует отметить и то, что на «рынке» появились посреднические организации, которые предлагают «помощь» в размещении статей в журналах, входящих в ведущие наукометрические базы. Несложно подсчитать, какой «оборот» возможен у такой организации при условии, что на начало 2013/14 учебного года штатная численность преподавателей государственных вузов составляла 288,2 тыс. человек.

Численность студентов, обучающихся по специальностям и направлениям на начало 2013/14 учебного года, составляла: «Экономика и управление» – 1294,1 тыс. человек (27,2% от общей численности студентов, обучающихся в государственных вузах), «Гуманитарные науки» – 765,4 тыс. студентов (16,1% от общей численности), «Образование и педагогика» – 435,9 тыс. студентов (9,2% от общей численности). 52,5% студентов в государственных вузах обучается по этим трем специальностям и направлениям подготовки. Пропорционально можно определить и численность преподавателей, обеспечивающих эти направления и специальности подготовки. Допуская, что 10% преподавателей воспользуются услугами посреднических организаций, «цена вопроса» – миллионы долларов.

Если исходить из того, что образовательные организации функционируют в рыночной среде, где «спрос рождает предложение», то существенным представляется именно формирование спроса. Причем спроса на возможность публикаций результатов своих исследований

по тем отраслям знаний, по которым ограничено предложение в рамках России.

Поэтому Счетная палата РФ должна обратить внимание и на аспект деятельности организаций высшего образования, связанный с выявлением объема финансовых ресурсов, которые были потрачены вузами на повышение показателей, связанных с пресловутой «цитируемостью».

Председатель Счетной палаты Т. Голикова заявила о необходимости разработать индикаторы, «отражающие эффективность вложенных средств»: количество отечественных научных исследований и разработок, результаты интеллектуальной деятельности, патенты и др. Например, в государственной программе РФ «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. такие индикаторы представлены в подпрограмме «Развитие межотраслевой инфраструктуры сектора исследования и разработок». При этом следует указать на то, что планируется незначительный рост коэффициента изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в РФ в расчете на 10 тыс. человек населения): в 2013 г. – 2,1 единицы; 2014 – 2,2; 2015 – 2,3; 2016–2020 – 2,4 заявки ежегодно. Показатели изобретательской активности за последние годы составляли следующие значения: 2009 г. – 1,8 единицы; 2010 г. – 2,01; 2011 г. – 1,85; 2012 г. – 2,0; 2013 г. – 2,0. Таким образом, целевой показатель на 2013 г. уже не выполнен. Вызывает сомнения степень достижения целевых показателей и в последующие годы.

Показатели определенным образом противоречат показателям повышения эффективности и качества работ в сфере науки и технологий, соотнесенные с этапами перехода к эффективному контракту, приведенными в «дорожной карте», утвержденной распоряжением правительства РФ в 2014 г. [8].

В «дорожной карте» в качестве показателя, характеризующего «повышение изобретательской активности российских исследователей на внутрироссийском и международном уровнях», предлагался следующий показатель: «Количество объектов учета в единой государственной информационной системе учета научных исследований, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения». В 2014 г. количество таких объектов должно было составить 8 тыс. единиц, в 2015 – 13 тыс. ед.; в 2016 – 24 тыс. ед.; в 2017 – 30 тыс. ед., в 2018 – 35 тыс. ед.

Распоряжение правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 722-р предполагает совершенно иной подход к учету изобретательской активности, нежели новая редакция государственной программы РФ «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг., утвержденная постановлением правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 301.

С одной стороны, Минобрнауки РФ «подталкивает» вузы (или преподавателей) на отвлечение существенных финансовых ресурсов для оплаты публикаций в журналах, входящих в ведущие наукометрические базы, стимулируя тем самым создание соответствующего предложения на «рынке». Очевидно, что существуют *риски* неэффективного использования финансовых ресурсов образовательными организациями высшего образования.

С другой стороны, такой важный показатель оценки эффективности деятельности вуза, как «количество созданных результатов интеллектуальной деятельности, имеющих правовую охрану», отсутствует в показателях самообследования вуза, а в показателях мониторинга присутствует только в разделе V «Дополнительные характеристики образовательной организации» (направление «Международная деятельность»), т.е. не рассматривается в качестве приоритетного. Таким образом, существуют *риски* утраты (или заимствования выгодопреобладателями) инновационных идей, генерируемых системой высшего образования.

В основу стратегии развития высшего образования, предлагаемой Минобрнауки РФ, положены целевые показатели, выполнение которых требует существенного финансового обеспечения либо со стороны государства, либо со стороны образовательной организации. При этом полученный результат может не соответствовать затратам.

Какой быть стратегии развития высшей школы?

Очевидно, что реализация концепции «новой индустриализации» предусматривает модернизацию в сфере высшего образования. С одной стороны, высшее образование должно обеспечить подготовку кадров, качество и численность которых будет соответствовать потребностям модернизируемой экономики. С другой стороны, повышение продуктивности научных исследований в системе высшего образования должно рассматриваться в контексте решения в первую очередь образовательных задач.

В настоящее время делается попытка перенести «центр тяжести» научных исследований в университеты, противопоставить РАН и вузовскую науку. В этой связи актуальной проблемой является «сопряжение» научных исследований, осуществляемых РАН, с вузовской наукой. По нашему мнению, именно РАН должна задавать стратегические ориентиры вузовской науке⁹.

Для «прорыва» в шестой технологический уклад следует опираться на инновационные разработки российского ВПК и обеспечить достаточно быстрый трансфер технологий в гражданские отрасли промышленности, наиболее полно используя конкурентное преимущество, которое сохраняется у России, – «человеческий капитал». Соответственно должна быть разработана стратегия использования этого конкурентного преимущества. В этом смысле мы разделяем позицию Е.Т. Гайдара, который, говоря о потенциале России, отмечал, что «сравнительно высокий образовательно-культурный уровень населения, а не природные ресурсы – главная ставка России в борьбе за место в мировой цивилизации XXI в.» [20. С. 720].

Для создания условий более быстрого «вызревания» инноваций шестого технологического уклада следует объединить усилия со странами-лидерами в области

программного обеспечения и управления информацией (Индия), электроники и компьютерной памяти (Китай). В этом контексте нам представляется важной мысль главы Минкомсвязи Н. Никифорова, высказанная на Гайдаровском форуме-2016: «У нас сегодня примерно 350–400 тысяч программистов. Нам нужен миллион программистов. Вот тогда у нас и произойдет структурная реформа» [21]. Иными словами, структурная реформа в экономике напрямую связывается с подготовкой кадров.

Для решения этой задачи необходимо выполнение как минимум четырех условий, которые можно рассматривать в качестве основных стратегических ориентиров развития высшего образования в России.

1. Необходима государственная программа определения потребности модернизируемой экономики в кадрах (инженерных, экономических, гуманитарных, педагогических и др.). Государство должно предложить предприятиям и организациям своего рода «госзадание» на определение потребности в персонале (с учетом привлечения трудовых мигрантов) на стратегическую перспективу. Данная информация должна аккумулироваться и анализироваться центрами занятости городов и регионов. На основе этой информации должны разрабатываться и корректироваться программы стратегического развития городов и регионов (в частности, программы развития малого и среднего бизнеса). Исходя из этого, вузы будут корректировать собственные программы стратегического развития, в т.ч. обоснование контрольных цифр приема на те или иные направления и профили подготовки [22. С. 10].

2. Подготовить миллион программистов невозможно без участия и заинтересованности бизнеса. На сегодняшний день со стороны Минобрнауки не просматривается стратегии взаимодействия с бизнесом для разрешения противоречия между формированием и финансированием заказа на востребованные экономикой (в первую очередь) технические направления подготовки государством и практическим отсутствием участия в этом процессе бизнес-сообщества. Иными словами, за счет средств налогоплательщиков финансируется потребность в кадрах частных предприятий. По существу это противоречие можно сформулировать как противоречие между общественным характером производства знаний и частной формой присвоения результата (использования знаний) [22. С. 10]. Таким образом, настоятельную необходимость вызывает разработка стратегии взаимодействия государства и бизнеса, при которой бизнес и финансово и содержательно будет участвовать в подготовке будущих специалистов в высшей школе.

3. Необходимо создать условия, при которых высококвалифицированные специалисты (в данном случае программисты) не уедут из России. Участие России в Болонском процессе такой возможности не исключает. Должны быть созданы естественные барьеры от «утечки мозгов» из России в виде понятных перспектив личного и карьерного роста выпускников.

4. Должны быть созданы условия для нормального воспроизводства носителей «спрессованного» человеческого опыта – преподавателей вузов, в т.ч. на основе разработки понятных и прозрачных критериев и пока-

⁹ В речи Е.М. Примакова на церемонии вручения Государственной премии в июне 2014 г. была высказана мысль о том, что для количественного и качественного роста экономики необходимо использовать научный потенциал РАН, которая не должна превратиться в «клуб ученых».

зателей оценки продуктивности деятельности ППС во всех ее аспектах. С одной стороны, повышение данной продуктивности мы связываем с законодательной регламентацией нагрузки в части определения предельного уровня аудиторной нагрузки и нормативов на выполнение учебно-методической, научно-исследовательской и организационно-методической работы.

С другой стороны, необходима реализация концепции результативного управления, заключающейся в построении эффективной системы стимулирования участников программ развития на основе оценки эффективности их деятельности – оплата исполнителей зависит от объема и качества (в соответствии с регламентом) предоставленных услуг. В рамках этой концепции, вероятно, может быть изменен подход к оплате труда (от «затратного подхода» к «бизнес-подходу») [23. С. 212].

«Результативный подход» («бизнес-подход») к определению оплаты труда предполагает, что преподаватель максимизирует размер оплаты труда путем минимизации часов обучения при фиксированном результате, т.е. чем выше результаты обучения при фиксированной стоимости учебного курса, тем выше оплата. А это предполагает разработку и внедрение инновационных образовательных технологий в учебный процесс, обеспечивающих активное овладение обучаемыми «спресованным» человеческим опытом.

Заключение

Разработка эффективной стратегии развития высшего образования предполагает тщательно проведенный стратегический анализ. Следует указать, что в документах, регламентирующих развитие высшего образования, отсутствует анализ причин существенного увеличения численности студентов в вузах. А ведь без анализа причин и «генезиса» этого процесса не может быть разработана и адекватная существующим вызовам стратегия развития высшего образования.

Литература / References

1. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. – М., 2012.
Grinberg, R.S. Freedom and justice. Russian temptations of false choice. Moscow, 2012.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. – 3 июля 2014 г.
Federal law of the Russian Federation from June 28, 2014, No. 172-FZ "On strategic planning in the Russian Federation". *Rossiyskaya gazeta*, July 3, 2014.
3. [URL]: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51206>
4. Сенчагов В.К., Иванов Е.А. Закон о стратегическом планировании и задачи по его реализации // Вестник Финансового университета. – 2015. – № 3. – С. 38–50.
Senchagov, V.K., Ivanov, E.A. Law on strategic planning and tasks of its realization. *Vestnik of Financial university*, 2015, no. 3, pp. 38–50.
5. [URL]: <http://www.rg.ru/2014/04/24/obrazovanie-site-dok.html>
6. [URL]: <http://government.ru/docs/11925/>
7. [URL]: <http://government.ru/media/files/uSB6wFRbuDS4STDe6SpGjaAEpM89IzUFp>

В основе стратегического анализа должна лежать оценка рисков для системы образования. По нашему мнению, следует выделять объективные риски (демографический кризис, уменьшение размеров бюджетов в связи с падением цен на углеводороды и др.) и субъективные риски, зависящие от конкретного человека или группы людей. «Ключом» к пониманию природы рисков в сфере ВПО, выработке механизмов, препятствующих принятию необоснованных рискованных решений, может стать мысль, высказанная У. Беком [24. С. 175–176]: «Риски превращаются в большой бизнес». Это высказывание касалось развитых стран, которые могут получать экономическую выгоду от глобального увеличения рисков путем разработки технических новинок, минимизирующих риски. По нашему представлению, оно в равной мере отражает то, что происходит в системе образования вообще и высшего образования в частности.

В этом смысле интересна еще одна мысль, высказанная У. Беком: «В классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание определяет бытие». Знание приобретает новое политическое значение. Соответственно политический потенциал общества риска должен раскрываться и анализироваться в социологии и теории возникновения и распространения знания о рисках» [25. С. 14].

Именно с распространением знания о рисках мы связываем необходимость осуществления анализа изменений, которые произошли в последнее время в сфере образования и науки, и аудита эффективности тех проектов, за реализацию которых отвечает Минобрнауки РФ. Также возрастает роль Счетной палаты РФ, представителей гражданского общества в контроле за деятельностью Минобрнауки и Федерального агентства научных организаций (ФАНО) в выявлении потенциального ущерба от принимаемых решений (вследствие недооцененных рисков) и потенциальных «выгодоприобретателей» реализованных рискованных решений.

8. [URL]: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70550418/http://government.ru/docs/22263/>
9. Романов Е.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России. – М., 2016.
Romanov, E.V. Methodology and theory of innovative development of higher education in Russia. Moscow, 2016.
10. [URL]: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=2034
11. [URL]: <http://kommersant.ru/doc/2890821>
12. [URL]: <http://www.kremlin.ru/events/councils/51190>
13. [URL]: <http://www.akkork.ru/r/services/op/>
14. Романов Е.В. Финансирование вузов в целях стимулирования инновационного развития: подходы и механизмы // Университетское управление: практика и анализ. – 2015. – № 4 (98). – С. 87–105.
Romanov, E.V. Financing of high schools, aimed at stimulation of innovative development. *University management: practice and analysis*, 2015, no. 4 (98), p. 87–105.
15. [URL]: <http://www.rsr-online.ru/doc/norm/postanovlenie12.pdf>
16. Крушельницкий А. Поделить статью на доллар // Троицкий вариант. – 2010. – № 51. – С. 1.

Krushelnitsky, A. Divide article into dollar. *Troytsk variant*, 2010, no. 51, p. 1.

17. Онищенко Е. Модернизация и наука // Троицкий вариант. – 2010. – № 50. – С. 8.

Onischtchenko, E. Modernization & science. *Troytsk variant*, 2010, no. 50, p. 8.

18. Романов Е.В. Неэффективные вузы: миф и реальность // Университетское управление: практика и анализ. – 2012. – № 6 (82). – С. 70–76.

Romanov, E.V. Non-effective high schools: myth and reality. *University management: practice and analysis*, 2012, no. 6 (82), p. 70–76.

19. Романов Е.В. Управление инновационным развитием вуза // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2013. – № 15. – С. 91–98.

Romanov, E.V. Management of innovative development of high school. *Vestnik of university (State university of administration)*, 2013, no. 15, pp. 91–98.

20. Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры. Аномалии экономического роста. Избранные статьи и выступления 1988–1995 / Сочинения в 2-х томах. – Т. 2. – М., 1997.

Gaydar, E.T. Economic reforms and hierarchical structures. Anomalies of economic growth. Selected articles and speeches, 1988–1995. In *Works in 2 volumes*. Vol. 2. Moscow, 1997.

21. [URL]: <http://krizis-kopilka.ru/archives/28235>

22. Романов Е.В. Противоречия как источник инновационного развития системы высшего профессионального образования // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2014. – № 5. – С. 9–13.

Romanov, E.V. Contradictions as source of innovative development of the system of higher professional education. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*, 2014, no. 5, pp. 9–13.

23. Управление современным образованием: социальные и экономические аспекты. – М., 1998.

Management in modern education: social and economic aspects. Moscow, 1998.

24. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М., 2001.

Beck, U. What is globalization? Mistakes of globalism – responses of globalization. Moscow, 2001.

25. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. – М., 2000.

Beck, U. Society of risk: on the way to another modern. Moscow, 2000.

А.Д. КОСЬМИН,

д. э. н., проф.

кафедры «Государственное, муниципальное управление и таможенное дело»

Омский государственный технический университет

e-mail: kosmin.39@mail.ru

Е.А. КОСЬМИНА,

д. э. н., проф.

Омская гуманитарная академия

e-mail: kosmina07@mail.ru

DOI 10.20339/AM.07-16.018

О НАСТОРАЖИВАЮЩЕМ ТРЕНДЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассмотрена проблема развития образования в России, выделены основные тенденции этого развития. Определены основные проблемы современного состояния системы образования, охарактеризованы настораживающие тренды в процессе его развития, выявлен ряд методических подходов к разрешению соответствующих проблем. Обоснована необходимость роста инвестиций в образование, научные исследования и разработки как одного из важнейших условий повышения качества подготовки специалистов. Для сравнения приведены конкретные примеры масштабов и эффективности увеличения инвестиций в образование и научно-исследовательскую деятельность в различных странах мира. Также обоснована необходимость изменения социального статуса системы образования, в частности важности увеличения масштабов ее финансирования.

Ключевые слова: формальное и реальное образование, качество образования, эффективность инвестиций в образование и научные исследования, приоритеты, мотивация.

ON ALARMING TREND IN RUSSIAN EDUCATION

A.D. Kosmin is D. Sci. in Economics, prof., head of sub-faculty at Omsk State Technical University; and **E.A. Kosmina** is Dr. Sci. in Economics, prof. at Omsk Humanitarian Academy

Analyzed is the problem of development of education in Russia, detailed are basic tendencies of this development. Determined are basic problems of modern state of the system of education, and also characterized are alarming trends in the process of it's development, as well as elaborated is a number of methodical approaches to solution of corresponding problems. Substantiated is necessity of growing of investments into education, scientific research and workings as one of significant condition of improving quality of training specialists. In comparison, shown are concrete examples of scope and efficiency of growing investments into education and scientific research work in various countries of the world. Also substantiated is necessity to change social status of the system of education, in particular importance of increase in it's funding.

Key words: formal and real education, quality of education, efficiency of investment into education and scientific research, priorities, motivation.